

Курт Хиллер

О МЕСТЕ АКТИВИЗМА

[...]

Активизм: тот, кто утверждает, что это слово — лозунг, говорит истину. [...] Лозунг описывает некоторое положение дел, и, презрительно называя обозначающее его слово «лозунгом», это положение дел затронуть нельзя.

Но что же означает это слово? Если бы речь шла о чем-то мертвом, уже исторически застывшем, то можно было бы, будучи наполовину уверенным, показать его объективную сущность. Устоявшееся можно установить; но то, что еще находится в живом потоке, — ? Положение дел, о котором идет речь, — не положение «дел», а нечто духовно-органическое, живет и находится в движении, незаметно, с каждым часом меняет краски и очертания, даже если и ядро его остается неизменно — кто может знать это? ведь никто его не видит. Выявить его — предположим, что это удалось бы, — значило бы вивисектировать организм тончайшей, а именно духовной природы; и мы нашли бы лишь, что это ядро не является субстанцией, чем-то самостоятельно-«сверхличным», а напротив — тем общим, что объединяет ядра множества духовных единиц. Ведь именно это — скажем заранее — отличает активизм от множества прочих учений: он — не догма, которую гениальная индивидуальность силой навязывает другим, но тождественная с самого начала устремленность различных людей, общий способ мышления, общий выбор. Это единство, даже если оно может и, я полагаю, должно стремиться к формулированию в виде программы, никогда не возникло бы, если бы кто-нибудь захотел создать его на основании твердой программы. Движение, о котором здесь идет речь, еще находится в предпрограммной фазе¹; если когда-нибудь историк и займется поиском дефиниции для мертвого активизма, то пусть понятие о живом определяет лишь тот, кто живет им: активист — с позиции своей абсолютной субъективности, не неизбежной субъективности своего видения, но напротив — осознанной субъективности своей воли. Активист скажет, в каком отношении он находится ко всем глубоким и важным вопросам реакции на бытие, к направлениям и установкам, партиям и школам, — и его признание больше скажет об активизме, чем любая попытка объективного диагноза. Активист определит свое место на духовном небосводе; это будет его наилучшим ответом на вопрос о месте активизма.

Активизм, будучи моралью активности, на первый взгляд имеет формальный характер; ведь призыв к действию умалчивает, что следует делать. Активист и, например, пангерманист — сторонник насильственной политики, несомненно, оба увидят в самодостаточной созерцательности своего врага. «Вы должны не созерцать, вы должны воздействовать», — под этим лозунгом мог бы подписаться как Рубинер, так и... Ревентло*. Но мы переходим к содержанию уже тогда, когда соотносим активность с ее ближайшим антиподом — с пассивностью. Активизм против пассивизма: не принимать судьбу (ни социальную, ни природную) с индийской отрешенностью; восставать против них, подобно Прометею. Решительно покончить с привычкой быть жертвой обстоятельств; не страшиться усилий, необходимых для господства над обстоятельствами. По меньшей мере со-господства. Воля одного может мало; воля соединенных — все. Поэтому активист — враг отшельничества и чудачеств, солипсизма и

¹ Статья была написана в июне 1918 года! (Прим. авт.)

сектантства; поэтому активист социалист... если не смешивать священное имя социализма с мещанской классовой борьбой. «Социализм» — это не взгляд на мир профсоюзного секретаря Пифке*, не дикость красных экспроприаторов, не учение тех уютных марксистов, которые отрицают дух и проповедуют, что развитие совершается само собой благодаря промышленности. Социализм — не партийная доктрина, но образ мыслей; это устремленность души к братству. Аристократическим социализмом была бы устремленность души высших людей к объединению высших людей. И поскольку высший человек — лишь тот, кто ставит целью своего духовного стремления счастье всего человечества, какими бы то ни было путями, — постольку аристократический социализм может основываться на весьма демократических тезисах (при всей независимости от неразборчивых братаний).

Активизм упрекали и в том, что он будто бы является эвдемонизмом*. Этот упрек — убогий комариный укол — внушен давно устаревшей схоластикой! Нет цели превыше счастья (всякой плоти и всякой души); но то, что активистский эвдемонизм имеет в виду какое угодно блаженство, только не частное блаженство ненаглядного «Я», — это, кажется, может понять и глухой. Активизм разжигает в человеке пламя, зовущее к борьбе за счастье всех — если потребуются, ценой собственной жизни. И, кстати, он устремлен ко вполне земному спасению и отвергает эскапистскую проповедь попов и безответственных людей, пытающихся путем трансцендентных фокусов и надувательства внушить «сознание» блаженства последнему из жалких, обиженных и убогих.

Социализм и эвдемонизм активистского толка провозглашают: объединение с целью... под знаменем спасения жизни и по принципу справедливости (которая не тождественна равенству). Задача в том, чтобы усовершенствовать вещи — посредством усовершенствования душ; тот, кто сомневается в успехе воли объединенных людей — воли к изменению, — тот, кто считает себя обязанным априори отрицать возможность этого успеха, тот должен по меньшей мере отказываться от всяких слов о нравственности. Лишь тот, кто верит в свободную волю, то есть волю, подчиняющуюся духу, — лишь тот имеет право когда-нибудь сказать «вы должны»; тот же, кто говорит «вы должны», берет на себя обязательство призывать: «Хотите». Разумеется, с точки зрения причинности воля несвободна; но какое волящему дело до причинности? Смотреть с точки зрения причинности значит смотреть назад; наша устремленная вперед воля чувствует в себе свободу для постановки целей. Она ставит их, она стремится к ним, она достигнет их. Не твоя воля, не моя воля, но воля нашего типа победит. Поэтому активист — волюнтарист. Он мыслит не причинно, как интеллектуалист, не в категориях причины и следствия, но телеологично, в категориях средства и цели. Он не исследует, но требует; он не объясняет, он приказывает; он не занимается раскопками, он возводит здания до небес. Какое ему дело до конечной причины? Его влечет конечная цель. Ключевая точка его духовного усилия — не естественная история творения, но — рай.

Будущий рай, само собой. Активист враждебен и пассивности, и пессимизму. Из истории он не желает учиться ничему — кроме того, что ее делали субъекты, не заботившиеся об истории. Активист — это футурист (скажем, несмотря на опасность смешения понятий). Он никогда не заботится о том, что было; всегда о том, что будет; но то, что будет, силой разумных существ следует привести в соответствие с тем, что должно стать; в этом задача; и то, что должно стать, никак нельзя вывести из того, что есть. Историзм, позитивизм, эмпиризм — давно и закономерно аннулированные предактивистскими движениями (в частности, неокантианством), но в действительности все еще остающиеся у власти, — станут целью его ожесточенного наступления.